

УДК: 7.032; 739

ББК: 85.125.4

А43

DOI: 10.18688/aa177-1-10

Ю. А. Виноградов

Золотой «шлем» из кургана Ак-Бурун (1875)

Одной из самых известных находок произведений боспорской торевтики является золотой ажурный «шлем», обнаруженный в кургане на мысе Ак-Бурун, т. е. на южной оконечности Керченской бухты, в 1875 г. [3, с. 67, табл. 272; 5, с. 82–85, кат. 38; 21, S. 141–142, Abb. 26; 22, pl. 229]. Это богатое погребение, имеющее очень яркие варварские черты, можно датировать концом IV — началом III в. до н. э. [5, с. 99]. На это время, как известно, приходится один из роковых моментов в истории древнего Северного Причерноморья, а можно сказать, и в мировой истории. Имеется в виду, конечно, падение Великой Скифии [1, с. 277].

«Шлем» обычно рассматривается как произведение греко-скифского искусства, что справедливо лишь отчасти. Его орнаментация чрезвычайно пышна (Рис. 1) — над нижним гладким краем тянется узкий фриз из гирлянды аканфа, стебель раздваивается в волюты, между ними расположены цветы аканфа. Всё поле «шлема» занято тремя крупными цветками каллы (арацеи), вырастающими из аканфowego листа и с обеих сторон обрамленными двумя большими волютами. Цветок арацеи имеет форму колокольчика с девятью лепестками. Его сердцевина имеет яйцевидную форму, уходя вверх острым краем; вся она сплошь покрыта мелкими гравированными кружками. Между цветами расположен листок, острой вершиной касающийся двух небольших волют, стебли которых, извиваясь, дотягиваются до нижнего листа аканфа. В промежутках между этими листьями, над большими волютами, представлены три острроверхих листка, соединённые между собой широкими основаниями. На вершине «шлема» изображена сильно стилизованная розетка из 12 лепестков.

Рис. 1. Золотой «шлем» из кургана Ак-Бурун. ГЭ. Санкт-Петербург. Инв. АкБ. 1

Судя по описаниям раскопок, золотой «шлем» находился в погребении недалеко от золотого венка, что, как представляется, должно подтверждать традиционную точку зрения о нём как о парадном головном уборе. М. И. Артамонов считал, что он надевался поверх меховой шапки [3, с. 67]. Другие исследователи сближали этот предмет по форме либо с войлочными или кожаными колпаками кочевников, либо с сарматскими шлемами более позднего времени [см.: 5, с. 84].

Среди археологических реалий интересующего нас времени, которые по форме напоминают

«шлем», но имеют меньшие размеры, следует назвать золотые «колпачки» полусферической формы. Два таких «колпачка» происходят из этого самого погребения, их сходство со «шлемом», по-моему, бесспорно [5, с. 79–80, кат. 35, 36]. Подобные изделия были распространены в основном в Прикубанье, причем имеются и орнаментированные экземпляры. Наиболее известный из них — «колпачок» из кургана Курджипс [4; 8, с. 43, № 51, табл. VII; 10, с. 311, рис. 67]. Ещё более показательны большие колпаки из Ставропольского (Казинского) клада, но они лишены орнаментации [11, с. 81, 86–87, рис. 3, 4; 15, с. 109, табл. VIII, № 1–3]. По этой причине принципиальнейшее значение имеет находка в кургане Передериева Могила Донецкой области «парадного головного убора в форме тиары», как он определён А. А. Моруженко [14, с. 70–73]. Этот предмет украшен рельефными изображениями, отражающими, по всей видимости, скифские мифологические или исторические предания.

Небольшие полусферические «колпаки» представляется возможным связывать со штандартами предводителей крупных варварских объединений, а вот крупные предметы трактовать подобным образом весьма рискованно. Вместе с тем вряд ли можно сомневаться в том, что ак-бурунский «шлем» является атрибутом власти вождя. Странно при этом, что исследователи долгое время даже не пытались как-то объяснить украшающую его композицию, найти в ней некий сакральный смысл. Первый шаг в этом направлении несколько лет назад сделал петербургский археолог О. В. Шаров. Он предположил, что круто закрученные волюты, представленные на «шлеме», являются стилизованным воспроизведением бараньих рогов, которые, по его мнению, могли служить символом *фарна*, т. е., по представлениям иранских народов, знаком некой божественной благодати, дарованной царю [17, с. 557–558]. О. В. Шаров предположил также, что эти волюты, возможно, обозначают рога Зевса-Амона, которые достаточно быстро вошли в иконографию Александра Великого после посещения им Египта, где он был признан сыном этого божества.

Кратко изложенная гипотеза, на мой взгляд, вполне исторична. Необходимо отметить при этом, что «овноголовый» Амон был идентифицирован с Зевсом достаточно рано, — во всяком случае, почитание Зевса-Амона, атрибутом которого стали бараньи рога, имело место ещё до эпохи македонских завоеваний [9; 25, р. 85]. Что касается Александра, то имеются основания считать, что великий завоеватель относился к этому символу достаточно серьёзно. По этому поводу укажу на одно замечание Афиня, приведённое в его «Пире мудрецов»: «Иногда он [Александр], как Амон, облачался в порфиру и сандалии, а на лоб надевал рога, как у этого бога» (Athen. Deipn. XII. 53).

Правда, его прижизненных изображений с этим атрибутом не известно. На монетах портрет Александра с изображением рогов первым стал чеканить Птолемей I в 316/15 г. до н. э. [20, р. 13, 48, 115; 22, р. 13], что по времени очень близко ак-бурунскому комплексу. В дальнейшем в искусстве эпохи эллинизма бараньи рога стали одним из атрибутов, обозначающих разные ипостаси царственности. При таком понимании в орнаментальной системе ак-бурунского «шлема» следует видеть не просто сложный растительный узор, но отражение неких фундаментальных представлений, связанных с пониманием символики царской власти в формирующемся эллинистическом мире.

Теперь обратимся к изображению цветка каллы (арацеи), которое в греческом искусстве встречается нередко. В отношении арацеи следует сказать, что этот невзрачный цветок (семейство *Agaceae* — арониковые или ароидные), произрастающий в природной среде на широких территориях, не очень похож на изображения, созданные греческими художниками. Однако исходным пунктом для развития их творческой фантазии, скорее всего, послужил именно он. Возможно, с помощью этого цветка мастера художественного ремесла попытались придать новый импульс развитию слишком сухой и однообразной розетки [6, с. 213–214]. Калла у них стала иметь девять лепестков. Такие цветы пышным цветом «расцвели» в искусстве эллинизма, а на Боспоре появились ещё в IV в. до н. э. [16, с. 21–22, 53–55].

Не очень подробно проработанное их изображение можно видеть на знаменитом золотом ларце (урне для помещения праха усопшего) из Большого кургана в Вергине; они представлены на фризе растительного орнамента в его нижней части [см.: 2, с. 118–119, рис. 8; 13, с. 160, рис. 13; 18, р. 166–167, fig. 135, р. 169, fig. 136; 19, р. 26, fig. 3]. На предметах греко-скифской торевтики второй половины IV в. до н. э. цветы каллы имеют более чёткие очертания: в том числе, на золотых обкладках горитов чертомлыцкой серии, пластине из Гаймановой Могилы, золотых пластинках от женского головного убора из Деева кургана и др. [см.: 5, с. 82–85, кат. 38]. Есть веские основания считать, что они, как и многие другие художественные предметы этой категории, были изготовлены в одной из мастерских Боспора. Среди раннесарматских памятников девятилепестковая калла представлена на больших фаларах из Федуловского клада [6, с. 213].

На Боспоре эти цветы входят в орнаментацию самых различных предметов. Их можно видеть на остатках ткани от погребального полога, пластинчатом спиралевидном браслете, на украшения анапского саркофага [5, с. 82–85, кат. 38; 6, с. 213–214]. Цветы арацеи в несколько измененном виде представлены на бронзовых украшениях колесницы, найденных в одном из комплексов Васюринской горы [7, с. 166–167, илл. 17, 18; 16, с. 51, табл. XXIII, № 2, 3. 4]. Они, по всей видимости, являются одними из самых поздних в представленном ряду. М. И. Ростовцев считал эти украшения одновременными анапскому саркофагу и датировал их первой половиной III в. до н. э. [16, с. 53–55].

Связь этого орнаментального мотива с образом Великой Богини, на мой взгляд, чрезвычайно вероятна. Обращу внимание и на двенадцатилепестковую розетку на вершине «шлема», которая явно символизирует небесную сферу. Вообще, этот замечательный предмет древнего искусства можно рассматривать как образ неких золотых небес, как знак подтверждения причастности его обладателя к миру великих героев, богов и богинь. Здесь, однако, следует ещё раз напомнить о более ранних памятниках, на которых представлено изображение арацеи (имеется в виду золотой ларец из Вергины). В этом отношении необходимо признать, что второй (после О. В. Шарова) шаг к правильному пониманию ак-бурунского «шлема» сделал Х. С. Робертс в статье, увидевшей свет в 2009 г. [24, р. 98]. Этот исследователь указал на сходство приёмов орнаментации «шлема» с некоторыми памятниками изобразительного искусства Македонии и пришёл к выводу, что он входит в серию произведений торевтики, образцов резьбы по дереву и пр., найденных в боспорских погребениях конца IV — начала III в. до н. э. (выше некоторые из этих предметов мною названы). Обозначенную группу вещей можно было

бы признать примерами македонского импорта, но логичнее считать, что македонские мастера трудились на Боспоре. По мнению Х. С. Робертса, специалисты в этой сфере художественного ремесла легко перемещались в пространстве античного мира и вполне могли более или менее надолго поселяться в отдалённых греческих колониях [24, р. 198]. Отмечу, что намного раннее датского учёного на близость орнаментальных мотивов произведений торевтики, происходящих из Македонии и Северного Причерноморья, указывала А. П. Манцевич [13, с. 165–166]. Её концепция, правда, сводилась к тому, что значительная часть шедевров греко-скифского ювелирного искусства была изготовлена во Фракии [12, с. 220; 13, с. 166], с чем вряд ли можно согласиться.

В общем, можно констатировать, что ак-бурунский золотой «шлем», скорее всего, был изготовлен македонским мастером, проживавшим на Боспоре в последней четверти IV в. до н.э. Система орнаментации «шлема», конечно, не является результатом случайного набора эффектных или приятных глазу элементов. Как представляется, в ней нашло выражение пересечение нескольких семантических пучков, связанных с пониманием места человека в этом мире, его соотношением с миром богов и героев. Немалую роль здесь, по всей видимости, сыграло восприятие личности Александра Великого или, более широко, — мироощущение эпохи раннего эллинизма, понимание божественной природы царской власти. Ещё раз отмечу, что для иранских народов бараньи рога были одним из символов *фарна*. Понятно, что для персидской аристократии разгром их державы Александром мог объясняться лишь тем, что именно он, а не Дарий III, стал обладателем этой божественной благодати. Для них импульс, исходивший из Египта, в этом отношении был по-своему очень близок. Бараньи рога были символом богоизбранности (*фарна*), а значит мощи, военной доблести и, разумеется, магической силы. На ак-бурунском «шлеме» рога-волюты изображены три раза, т.е., как представляется, должны были свидетельствовать об особой мощи и доблести его обладателя. Из этих рогов-волот вырастают цветы каллы (арацеи), что, по-видимому, ещё раз должно наглядно продемонстрировать идею о том, что царская власть, наряду со всеми другими земными благами, и, надо полагать, посмертное блаженное существование связаны только с обладанием *фарном*.

Немного отвлекаясь от золотого «шлема», зададимся вопросом — а не противоречат ли всему выше сказанному другие находки из Ак-Буруна? Ответ должен быть однозначным — нет, не противоречат, даже напротив! Вождь, погребённый в этом кургане, был просто засыпан оружием, как наступательным, так и оборонительным [5, с. 85–94, кат. 41–51]. В общем, его героизм, его военные удачи, его *фарн* здесь явно находят своё подтверждение.

Другие предметы уже свидетельствуют не только о военной и политической власти этого человека, но и о власти сакральной. Этот аспект проявляется в комплексе других в высшей степени любопытных предметов, происходящих из этого погребения: золотого перстня с железной вставкой (явно аэролит, т.е. небесное железо) [5, с. 80–81, кат. 37], бусин-амулетов, обвитых золотой проволокой, очень характерных для культуры аристократии прикубанских племён [5, с. 85, кат. 39–40]. Есть все основания считать, что мужчина, погребённый в кургане на мысе Ак-Бурун, был не только военным и политическим лидером некоего варварского объединения, но и обладал сакральной (жре-

ческой?) властью, занимал важное место в системе связей этого объединения с миром богов и духов.

И ещё одно обстоятельство, на которое почти никогда не обращали внимание. Речь идёт о македонской символике, присутствующей на некоторых предметах, происходящих отсюда. Помимо македонской стилистики оформления золотого «шлема», о чём кратко было сказано выше, македонская символика проявляется в находке отчеканенного в далёком Вавилоне статера Александра Великого [5, с. 74, кат. 29]. Ещё большее значение, на мой взгляд, имеют золотые бляшки в виде двенадцатилучевых звёзд, вероятнее всего, украшавшие погребальный полог [5, с. 77–78, кат. 33]. Их близость к знаку власти македонских царей — звезде Аргеадов, которую можно видеть хотя бы на крышках золотых ларцов из Вергины, как представляется, вполне очевидна.

Всё сказанное позволяет рассматривать погребение, открытое в 1875 г. на мысе Ак-Бурун, как ценнейший памятник для понимания той политической и культурной ситуации, которая сложилась в Северном Причерноморье (в первую очередь, на Боспоре) накануне и после падения Великой Скифии. Происходящий из этого погребения золотой «шлем» является ярким символом наступающей новой эпохи.

Литература

1. Алексеев А. Ю. Хронография Европейской Скифии VII–IV вв. до н. э. — СПб.: Изд-во ГЭ, 2003. — 416 с.
2. Андроникос М. Царская гробница в Вергине: (Из истории раскопок) // ВДИ. — 1990. — № 1. — С. 107–128.
3. Артамонов М. И. Сокровища скифских курганов. — Прага: Артия; Л.: Искусство, 1966. — 120 с.
4. Булава Л. А. К атрибуции золотого колпачка из Курджипского кургана // СА. — 1987. — № 1. — С. 254–257.
5. Бутягин А. М., Виноградов Ю. А. Курганы на мысе Ак-Бурун // Юз-Оба. Курганный некрополь аристократии Боспора. — Т. II: Боспорские исследования. Suppl. 13 / В. Н. Зинько (ред.). — Симферополь–Керчь: Мастер Книг, 2014. — 184 с.
6. Виноградов Ю. А. Ещё раз о дате Федуловского клада // In situ: К 85-летию профессора А. Д. Столяра / А. А. Никонова (ред.). — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. — С. 207–227.
7. Власова Е. В. Курган Васюринская гора на Таманском полуострове // Эллинистические штудии в Эрмитаже: К шестидесятилетию М. Б. Пиотровского / Г. В. Вилинбахов (ред.). — СПб.: ГЭ, 2004. — С. 158–174.
8. Галанина Л. К. Курджипский курган. — Л.: Искусство, 1980. — 128 с.
9. Дмитриев В. А. Рога Амона, культ быка и фарр Кеянидов: (ещё раз к вопросу о царских коронах Сасанидов) // Проблемы истории, филологии и культуры. — 2013. — № 3 (41). — С. 64–79.
10. Канторович А. Р. Меото-скифское искусство Прикубанья // Античное наследие Кубани. Т. I / Г. М. Бонгард-Левин (ред.). — М.: Наука, 2010. — С. 286–314.
11. Королькова Е. Ф. К вопросу об атрибуции Ставропольского (Казинского) клада // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. — 1995. — Вып. 32. — С. 77–89.
12. Манцевич А. П. К вопросу о торевтике в скифскую эпоху // СА. — 1949. — № 2. — С. 196–220.
13. Манцевич А. П. Открытие царской гробницы у деревни Вергина в Северной Греции (античная Македония) // ВДИ. — 1980. — № 3. — С. 153–167.
14. Моруженко А. О. Скифский курган Передерієва Могила // Археологія. — 1992. — № 4. — С. 67–75.
15. Придик Е. М. Новые кавказские клады // МАР. — 1914. — Вып. 34. — С. 94–110.
16. Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на Юге России. — СПб.: Изд-во Императорской археологической комиссии, 1914. — 537 с.
17. Топоров В. Н. Фарн // Мифы народов мира: Энциклопедия. — Т. 2. — М.: Советская энциклопедия, 1988. — С. 557–558.

18. *Andronicos M. Vergina. The Royal Tombs and the Ancient City.* — Athens: Ekdotike Athenon, 1984. — 244 p.
19. *Andronicos M. Thessaloniki Museum.* — Athens: Ekdotike Athenon, 1994. — 79 p.
20. *Dahmen K. The Legend of Alexander the Great on Greek and Roman Coins.* — Oxford: Routledge, 2007. — 179 p.
21. *Gajdukevič V. F. Das Bosporanische Reich.* — Berlin: Academia, 1971. — 604 S.
22. *Pfrommer M. Greek Gold from Hellenistic Egypt.* — Los Angeles: Getty Publications, 2001. — 90 p.
23. *Piotrovskii B., Galanina L., Grach N. Scythian Art. The Legacy of the Scythian World: Mid-7th to 3rd Century BC.* — Leningrad: Aurora Art Publishers, 1986. — 184 p.
24. *Roberts H. S. Macedonian Craftsmanship in Crimean Tombs from Late 4th Century BC to Early 3rd Century BC // Proceedings of the Danish Institute at Athens.* — 2009. — Vol. VI. — P. 189–200.
25. *Romano I. B. Religion in the Age of Philip II, Alexander the Great, and Their Successors // The World of Philip and Alexander. A Symposium on Greek Life and Times / E. C. Daniien (ed.).* — Pennsylvania: The University Museum of Archaeology and Anthropology, 1990. — P. 83–97.

Название статьи. Золотой «шлем» из кургана Ак-Бурун (1875).

Сведения об авторе. Виноградов Юрий Алексеевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник. Институт истории материальной культуры Российской академии наук, Дворцовая наб., д. 18, Санкт-Петербург, Российская Федерация, 191186. vincat2008@yandex.ru

Аннотация. Одним из самых известных находок произведений боспорской торевтики является золотой ажурный «шлем», обнаруженный в кургане на мысе Ак-Бурун в 1875 г. Это погребение можно датировать концом IV — началом III в. до н.э. «Шлем» обычно рассматривается как произведение греко-скифского искусства. Его орнаментация состоит из двойных волн и растительных мотивов. Детали этой орнаментации демонстрируют македонское влияние, и, по всей видимости, «шлем» был изготовлен македонским мастером, работавшим на Боспоре Киммерийском.

Эта замечательная находка никогда не была предметом специального осмысления, позволяющего оценить его значение в археологическом контексте. Двойные волноты, изображенные на «шлеме», можно понять как стилизованные рога (рога Амона) — один из властных символов Александра Великого, но это был и образ *фарна*, столь типичного для иранских народов. Крупный цветок каллы, вырастающий между рогами, является важным элементом культового символизма орнаментальной композиции.

С теоретической точки зрения «шлем» является ключевым элементом в интерпретации погребения в кургане Ак-Бурун. Можно предположить, что он принадлежал вождю варварского племени, который одновременно был и жрецом. Другие находки из этого контекста (золотой венок, круглые амулеты-подвески, золотой перстень с железной вставкой и пр.) соответствуют такой точке зрения.

Ключевые слова: Боспор Киммерийский; боспорские курганы; мыс Ак-Бурун; греко-скифское золото; македонские влияния.

Title. The Gold “Helmet” from the Ak-Burun Tumulus (1875).

Author. Vinogradov, Iurii Alekseevich — full doctor, leading researcher. Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences, Dvortsovaia nab., 18, 191186 St. Petersburg, Russian Federation. vincat2008@yandex.ru

Abstract. The gold openwork “helmet”, which was found in the tumulus at the Cape of Ak-Burun in 1875, is one of the well-known works of the Bosporan toreutics. The barrow can be dated back to the late 4th — early 3rd century BC. The “helmet” is usually interpreted as the object of Graeco-Scythian art. Its decorative system consists of double volutes and floral designs. Details of the design demonstrate the Macedonian influence, and, in all probability, the “helmet” was made by a Macedonian craftsman who worked at Cimmerian Bosphorus.

This outstanding object has never been the subject of special study to appreciate its significance in archaeological context. The double volutes on the “helmet” can be understood like big horns (Horns of Amon) — one of Alexander the Great’s power symbols. But it was also the image of *farn* that was typical for Iranian peoples. The big flower of calla, growing between horns, is the most important element of cult symbolism in the decorative composition.

From theoretical point of view this “helmet” is the key item for our interpretation of the Ak-Burun tumulus. It is highly possible that the piece once belonged to a barbarian chief, who was at the same time a priest. Other finds from the same context (a golden wreath, spherical pendant-amulets, a golden finger-ring with an iron insert, etc.) support such point of view.

Keywords: Cimmerian Bosphorus; Bosporan tumuli; Greek-Scythian gold; Macedonian influences.

References

- Alekseev A. Iu. *Khronografiia Evropeiskoi Skifii VII–IV vv. do n. e. (Chronography of the European Scythia in 7th–4th Centuries BC)*. Saint Petersburg, The State Hermitage Museum Publ., 416 p. (in Russian).
- Andronicos M. *Vergina. The Royal Tombs and the Ancient City*. Athens, Ekdotike Athenon Publ., 1984. 244 p.
- Andronikos M. Royal Tomb in Vergina. From the History of Investigations. *Vestnik drevnei istorii (The Journal of the Ancient History)*, 1990, no. 1, pp. 107–128 (in Russian).
- Andronicos M. *Thessaloniki Museum*. Athens, Ekdotike Athenon Publ., 1994. 79 p.
- Artamonov M. I. *Sokrovishcha skifskikh kurganov (Treasures of Scythian Barrows)*. Prague, Artia Publ.; Leningrad, Iskusstvo Publ., 1966. 120 p. (in Russian).
- Bulava L. A. To the Attribution of the Gold Cap from Kurdzhips Barrow. *Sovetskaia arkheologia (Soviet Archaeology)*, 1987, no. 1, pp. 254–257 (in Russian).
- Butiagin A. M.; Vinogradov Iu. A. *Barrows of the Ak-Burun Cape. Iuz-Oba. Tumuli Necropolis of the Bosphorus Aristocracy, vol. 2*. Simferopol; Kerch, Maister Knig Publ., 2014. 184 p. (in Russian).
- Dahmen K. *The Legend of Alexander the Great on Greek and Roman Coins*. Oxford, Routledge Publ., 2007. 179 p.
- Dmitriev V. A. Horns of Amon, Cult of a Bull and Farr of Kaianids (To the Problem of Sassanian Royal Crowns). *Problemy istorii, filologii i kul'tury (Problems of History, Philology and Culture)*, 2013, no. 3 (41), pp. 64–79 (in Russian).
- Gajdukevič V. F. *Das Bosporanische Reich*. Berlin, Academia Publ., 1971. 604 p. (in German).
- Galanina L. K. *Kurdzhipskii kurgan (The Kurdzhips Barrow)*. Leningrad, Iskusstvo Publ., 1980. 128 p. (in Russian).
- Kantorovich A. R. Maeoto-Scythian Art of the Kuban' Region. *Antichnoe nasledie Kubani (Classical Heritage of the Kuban)*, vol. 1. Moscow, Nauka Publ., 2010, pp. 286–314 (in Russian).
- Korol'kova E. F. To the Question of Interpretation of the Stavropol (Kazin) Hoard. *Arkheologicheskii sbornik Ermitazha (Archaeological Papers of The State Hermitage Museum)*, 1995, no. 32, pp. 77–89 (in Russian).
- Mantsevich A. P. To the Problem of Toreutics of the Scythian Epoch. *Sovetskaia arkheologiia (Soviet Archaeology)*, 1949, no. 2, pp. 196–220 (in Russian).
- Mantsevich A. P. Discovery of the Royal Tomb near Vergina Village in Northern Greece. *Vestnik drevnei istorii (The Journal of Ancient History)*, 1980, no. 3, pp. 153–167 (in Russian).
- Moruzhenko A. O. Scythian Barrow Perederieva Mogila. *Arkheologiia (Archaeology)*, 1992, no. 4, pp. 67–75 (in Ukrainian).
- Pfrommer M. *Greek Gold from Hellenistic Egypt*. Los Angeles, Getty Publications Publ., 2001. 90 p.
- Piotrovsky B.; Galanina L.; Grach N. *Scythian Art. The Legacy of the Scythian World: Mid-7th to 3rd Century BC*. Leningrad, Aurora Art Publ., 1986. 184 p.
- Pridik E. M. New Caucasian Hoards. *Materialy po archeologii Rossii (Materials for Archaeology of Russia)*. 1914, vol. 34, pp. 94–110 (in Russian).
- Roberts H. S. Macedonian Craftsmanship in Crimean Tombs from Late 4th Century BC to Early 3rd Century BC. *Proceedings of the Danish Institute at Athens*, 2009, no. 6, pp. 189–200.
- Romano I. B. Religion in the Age of Philip II, Alexander the Great, and Their Successors. *The World of Philip and Alexander. A Symposium on Greek Life and Times*. Pennsylvania, The University Museum of Archaeology and Anthropology Publ., 1990, pp. 83–97.
- Rostovtsev M. I. *Antichnaia dekorativnaia zhivopis' na Iuge Rossii (Antique Decorative Painting in South Russia)*. Saint Petersburg, Imperial Archaeological Commission Publ., 1914. 537 p. (in Russian).
- Toporov V. N. Farn. *Mify narodov mira (Myths of the Peoples of the World)*, vol. 2. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1988, pp. 557–558 (in Russian).
- Vinogradov Iu. A. Once Again about the Date of the Fedulovskii Hoard. *In situ. K 85-letiiu professora A. D. Stoliara (In situ. Festschrift to the 85th Anniversary of Professor A. D. Stoliar)*. Saint Petersburg, The Saint Petersburg State University Publ., 2006, pp. 207–227 (in Russian).
- Vlasova E. V. The Barrow of Vasiurinskaia Gora at the Taman' Peninsular. *Ellinisticheskie shtudii v Ermitazhe (Hellenistic Studies at the Hermitage)*. Saint Petersburg, The State Hermitage Museum Publ., 2004, pp. 158–174 (in Russian).